

даръ долженъ былъ стать единымъ боговѣнчаннымъ царемъ въ православномъ мірѣ, преемникомъ византійскаго царя.

Эту идею и выразилъ московскій митрополитъ Зосима въ составленной имъ въ 1492 г. Пасхалии на восьмую тысячу лѣтъ. „Царь Константинъ — писалъ Зосима — создалъ новый Римъ — Царьградъ, а государь и самодержецъ всея Руси Иванъ Васильевичъ (Иванъ III), — новый царь Константинъ, положилъ начало новому Константинограду—Москвѣ“. Настоячивымъ популяризаторомъ этой идеи явился инокъ псковскаго монастыря Филофей. Въ 1512 г. онъ закончилъ передѣлку Хронографа, составленнаго въ 1442 г. сербомъ Пахоміемъ, и прибавилъ къ этому Хронографу свое заключеніе, гдѣ почти буквально воспроизвелъ вышеупомянутую вставку болгарской редакціи хроники Моассии, но съ примѣненіемъ ея къ „россійской землѣ“. И затѣмъ тотъ же Филофей въ посланіяхъ къ дьяку Мунехину въ 1577 г. и къ в. князю Василию III около того же времени выставляетъ формулу: два Рима пали вслѣдствіе отклоненія въ ереси, третій Римъ — Москва стоитъ, а четвертому не быть*.

Въ подтвержденіе этой теоріи въ русской письменности немедленно были созданы политическія легенды, долженствовавшія доказать, что русскій государь становится вождемъ всего православнаго міра, какъ наслѣдникъ власти царей византійскихъ не вслѣдствіе исторической случайности—захвата Царьграда турками, а по изначальному Божественному Предопредѣленію. Наиболее законченное выраженіе эти легендарныя измышленія получили въ составленномъ въ началѣ XVI в. „Сказаніи о князьяхъ владимірскихъ“. Въ этомъ сказаніи 1) устанавливалось происхожденіе рода московскихъ государей прямо отъ Августа—Кесаря черезъ его родственника Пруса и 2) сообщается, что еще князь русскій Владиміръ Мономахъ получилъ отъ греческаго царя Константина Мономаха знаки царской власти—царскій вѣнецъ и бармы (ожерелье) въ знакъ того, что русскимъ князьямъ предопредѣлена царская власть.

Съ тѣхъ поръ исторія о Москвѣ, какъ о третьемъ Римѣ, кладется въ основу московской официальной политической идеологии. Принятіе Иваномъ IV царскаго титула и вѣнчаніе его на царство завершаетъ процессъ официальнаго санкціонированія этой теоріи, которая закрѣпляется и на страницахъ основнаго памятника московской официальной политической литературы XVI ст.—Макаръевской Степенной книги и въ надписи, сдѣланной на завиторахъ царскаго престола.